Б.А. Малинин

Парадоксы лингвистики

Язык является предметом исследования в рамках разных наук – лингвистики, философии, психологии, социологии и т.д. Все это допускает многогранность данного феномена, вызывая наряду с постоянно возрастающим интересом исследователей, обновление и расширение арсенала терминов, методов научного подхода, взгляды на саму суть данного объекта, его дифференциации. Что же такое язык? Уже первым парадоксом в науке о языке является то, что до сих пор нет его точного, можно сказать, научного определения. На первый взгляд, может даже показаться странным, если кого-то спросят, что такое язык. Но ни в одном известном нам научном труде по языкознанию, ни в одном учебном пособии, даже изданиях под эгидой Института языкознания АН в нашей стране, а также в зарубежных издания, нет дефиниции понятия «язык».

Носители русского языка в большинстве случаев понимают и могут объяснить употребленные в быту выражения типа «язык до Киева доведет», «что у трезвого в голове, то у пьяного на языке», «взять языка», «и назовет меня всяк сущий в ней язык» (А.С. Пушкин), «язык мой – враг мой» и тому подобное. Но, как уже сказано, ни в одном известном или малоизвестном лингвистическом труде нет научного толкования «человеческий язык». И даже включая звуковой комплекс «язык» в свое название, ни журнал «Вопросы языкознания», ни иностранные журналы лингвистической ориентации типа Sprachpflege («Забота о частоте языка»), Sprachfreund («Любитель немецкого языка») не давали научной дефиниции языка. Чем это можно объяснить?

Причин здесь несколько. Если обратиться к зарубежной лингвистике, то сразу же бросается в глаза очень малое количество лингвистических исследований данного феномена научно-практической направленности. Практически нет разработок, касающихся в какой-то мере понятия «язык», нет этого у итальянцев, французов, испанцев и ученых других стран. Все это привело к тому, что ориентиром для европейских лингвистов стал, начиная с первой четверти прошлого века, труд Фердинанда де Соссюра. Списки с его университетских лекций выбросили на лингвистический рынок его ученики под многообещающим названием «Курс общей лингвистики» (1915 г.). Но признавая за Ф. де Соссюром его заслуги, освещение многих вопросов языковой тематики, следует отметить, что в его понимании язык – это набор языковых единиц, о чем говорится в данном издании на русском языке [7: 35, 39, 40]. Труд этот был издан в период Первой мировой войны, когда многим ученым было не до науки, особенно в Германии, России и Франции.

Но если рассматривать язык как «склад» слов, то можно поставить вопрос о том, где эти слова хранятся, сколько их и т.д. Кроме того, Ф. де Соссюр часто называет слова «акустическими знаками». А где могут храниться акустические знаки? Что такое слово, в данной работе также не говорится. Употребляя лингвистический термин «знак», автор не расшифровывал его.

Одной из ошибок Соссюра является его утверждение о том, что «язык есть форма, а не субстанция» [7: 120]. Этим он отрицает материальную сторону языка, выражаемую звуковой материализацией. Звуки же материальны, а так как язык немыслим без звуков, значит он – субстанция. Утверждение, что язык – это форма, в которую вливается мышление, – абсурд. Можно сколько угодно метафоризировать, но следует, видимо, помнить, что форма – это объект, воспринимаемый визуально. А как можно визуально воспринимать язык? Ведь общепринятым является положение о том, что субстанция есть «материя в единстве всех форм» [6], что язык является «формой существования и выражения мышления» [9: 578]. Общим выводом анализа труда Соссюра может быть утверждение, что научного определения языка, как лингвистического феномена, анализируемый труд не дает. В заключение своего труда Ф. де Соссюр говорит в последнем предложении: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [7: 207], так и не предложив научного определения феномена «язык» как объекта лингвистики.

Совершенно противоположный взгляд на субстанцию высказывает П.В. Чесноков: «Субстанция, т.е. конкретная лексическая наполняемость синтаксических построений в большинстве случаев относится к сфере не языка, а речи, и настолько многообразна и случайна с точки зрения ее закономерностей, что не может быть объектом изучения науки» [11: 23].

Как систему звуковых знаков дефинирует язык известный немецкий лингвист В. Шмидт, пишущий: «Я рассматриваю язык как возникшую параллельно с историей носителей языка и постоянно совершенствующуюся систему звуковых знаков» [18: 12].

Современный отечественный лингвист И.Г. Ольшанский также считает, что «язык есть система знаков, т.е. упорядоченное количество элементов (знаков), которые находятся между собой в определенных отношениях, влияют друг на друга и обуславливают» [4: 16]. Системой знаков считали язык и представители Пражской школы [1: 218-219]. Совокупностью знаков считал язык и Ф.Ф. Фортунатов: «Она служит для мысли и для выражения мысли в речи» [10: 111].

Несколько шире трактуют знаковую природу языка авторы одного философского словаря советского периода: «Язык – знаковая система любой физической природы, выполняющий познавательную и коммуникативную (общение) функцию в процессе человеческой деятельности» [9]. Непонятно, является ли языком знаковая система оповещения МЧС о чрезвычайных ситуациях. Выполняет ли познавательную и коммуникативную функцию, т. е. соотносится ли с языком какой-либо знак зодиака. Система знаков зодиака – это язык?

В.М. Солнцев рассматривает язык как материальное средство общения людей, как вторичную материальную или знаковую систему, как орудие или средство общения [5: 3]. И здесь проявляется линия советских исследователей языка, указанная В.И.Лениным. Автор приводит цитату вождя мирового пролетариата, где язык определяется «как важнейшее средство человеческого общения» [5: 6]. Как мы увидим дальше, понятие «средство общения» проходит красной чертой через многие работы советских исследователей языка. А данный автор является сторонником определения языка как системы знаков, соотнося язык с системными образованиями. Как и многие другие советские ученые, Солнцев не всегда последователен в своих высказываниях по данной тематике. В начале своей книги он хвалит Соссюра за определение последним сути языка как формы, а не субстанции. А на стр. 20 читаем, что он рассматривает звуки любого языка как представляющую собой материальную субстанцию языка [5: 20]. Эти звуки служат для образования «физического разнообразия элементов языка». Но если звуки материальны, то материальны и элементы языка, состоящие из них. Парадокс, да и только!

Вопросу о знаковости языка уделяет внимание в одной из своих работ Э.Альбрехт. Он указывает, что «язык есть нечто большее, чем комбинация знаков. Он существует в процессе выражения и восприятия…» [13: 91]. Здесь, видимо, очень тонко подмечено, что язык – это нечто, существующее лишь в процессе говорения. А раз только в данном процессе, то мы считаем, что и знаки получают содержание только в конкретном акте коммуникации, в потоке речи.

Парадоксально, но факт. Практически никто из именитых лингвистов не определил знак, как носителя семантики, содержания. Парадоксально, но ни один из исследователей не задумался над тем, почему знак называется знаком, почему и сам язык называется этим звуковым комплексом. Может, это помогло бы дать дефиницию языка как феномена.

Возникает закономерный вопрос: почему имеет место такой разнобой в трактовке понятия «язык» как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике?

Одной из причин можно считать то, что события последнего столетия стали тормозом науки о языке. Войны, экономический спад во всем мире, когда было не до языкознания. А что касается стран социалистической ориентации, то это еще и давление на науку посредством политических догм, когда научное мышление оперировало неизменными заданными сверху понятиями без учета новых данных практики, науки, понятиями, игнорирующих конкретность истины. Как пишет И.И. Мещанинов, «языковая теория, в прошлом – передовое учение, оказалось на определенном этапе истории лингвистических учений тормозом, задержавшим развитие лингвистической научной мысли» [3: 15]. И далее о лингвистике: «Этим учением является общее языкознание, построенное на основах нового учения о языке, внедряющего положения марксизма-ленинизма в детали лингвистических штудий» [3: 12]. Так вот где собака зарыта. И что же это привнесло в науку о языке? Ровным счетом ничего. Опираясь на известное выражение В.И. Ленина о том, что язык является важнейшим средством человеческого общения, все последующие поколения отечественных лингвистов и лингвистов так называемого соцлагеря не пытались вскрыть сущность языка. Зачем? Это средство общения и все. А после того, как такой «корифей» в языкознании, как И.В. Сталин, выпустил под своим именем основополагающий труд «Марксизм и вопросы языкознания» [8: 22], то понимание языка как не только средства, но и орудия вообще стало непреложной истиной. Известный языковед Р.А. Будагов в предисловии к работе Г. Шухардта «Избранные статьи по языкознанию» четко обозначил, как и что нужно делать в языкознании. Он писал: «Благодаря работам И.В. Сталина советское языкознание получило правильную ориентацию и возможность быстрого и плодотворного развития» [12: 5-22]. При этом имя Сталина Будагов употребляет на 17 страницах своего предисловия 18 раз.

И ни у кого не возник вопрос: что же такое язык в этой трактовке? Средство действует на объект само: средство от кашля, синтетическое моющее средство. Язык сам не действует. Орудие – продукт труда человека, оно может выходить из строя, может быть модернизировано, может быть заменено и т.д. Язык так представить себе невозможно.

Слепо веря в высказывания своих политических лидеров, лингвисты соц- стран пользовались часто материалами, позаимствованными, так сказать, на веру из трудов идеологов марксизма. Так в высказываниях К.Маркса о мышлении «Die unmittelbare Wirklichkeit des Gedankens ist die Sprache» [17: 473], в русском переводе – «Непосредственная действительность мысли есть язык» было несколько переиначено. Так, генсек СЕПГ Отто Гротеволь (ГДР) в одной из своих статей писал в 1958 г.:

«Die Sprache ist die unmittelbare Wirklichkeit des Gedankens», переставив местами субъект и предикат. В этой же форме как эпиграф предпослал своей работе о хорошем стиле известный немецкий стилист Э. Кельвель [15], но допустимо ли такое искажение смысла в переводе работ Маркса и Энгельса на русский язык. А это имеет место в собрании сочинений этих идеологов: «Язык есть непосредственная действительность мысли» [17: 448].

Допускается ли такая перестановка в предложениях с предикатом-существительным? Можно ли из «знание-сила», «спорт – это мир», «стол – это мебель» сделать «сила – знание», «мир – это спорт», «мебель – стол»? Но сделав такую перестановку в высказываниях К.Маркса, лингвисты как бы поставили точку в определении языка: язык – это действительность мысли, а не наоборот. Но парадокс в том, что в формулировке Маркса нет даже примерного определения языка.

Таким образом, можно придти к выводу о том, что в науке о языке нет определения предмета лингвистики на уровне его дефиниции. Четко выделяются две попытки выделения этого объекта. Первое – начиная с Ф.де Соссюра и по сегодняшний день, это то, что язык есть набор слов, лексических единиц. Кстати, ни Соссюр, ни его последователи не смогли дать определение ни слову, ни значению, ни смыслу. Называя слова знаками, витающими где-то вне человека, лингвисты допускают большую ошибку. Как правильно отмечено у Н.С. Шавкун, знаки, несущие информацию, может создавать только сознательно мыслящий индивидуум в речи, в процессе говорения [16: 10]. Второе – язык является средством, орудием общения. Но это, увы, функции языка, а не сам язык. Остается надеяться, что освободившись от соссюровской шелухи и марксистской идеологии, новое поколение лингвистов доберется до сути этого феномена.

Библиографический список

1. Вахек И. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964. С. 218-219.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М.: Политиздат. Т.2. 1947. 415 с.
3. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. М.: Наука. 1975. 350 с.
4. Ольшанский И.Г. Лексикология. Современный немецкий язык. М.: Академия, 2005. 415 с.
5. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 292 с.
6. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980.
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2004. 324 с.
8. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950. 196 с.
9. Философский словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1986.

10. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языкознание (Общий курс). М., 1956. Т. 2. 312 с.
11. Чесноков В.П. Спорные проблемы курса «Общее языкознание». Таганрог: ТПИ, 1996. 176 с.
12. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию; перев. с нем.; предисл. Р.А. Будагова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. 258 с.
13. Albrecht E. Sprache und Philosophie // Lesestoffe zur deutschen Lexikologie. М.: Просвещение, 1985. С. 90-94.
14. Grotewohl O. Gedankenkraft und Sprachgewalt bei Marks und Engels.: Dietz Verlag, 1958. 68 S.
15. Koelwel E. Wegweiser zu einem guten deutschen Stil. Leipzig. 1954. 180 S.
16. Малинин Б.А., Шавкун Н.С. Praktische Probleme der deutschen Wortbildung. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 197 с.
17. Marx K., Engels S. Die deutsche Ideologie. Berlin: Dietz-Verlag, 1957. 530 S.
18. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Berlin: Volk und Wissen, 1967. 356 S.